
Образовательная парадигма богословской школы: к вопросу об идентичности

Teoloģiskas skolas izglītības paradigma: jautājums par identitāti

The Educational Paradigm of a Theological School: the Question on Identity

Nicu Dumitrașcu, Dr. theol. (Romania)

Александр Шабельник, иерей, кандидат богословия (Латвия)

Статья рассматривает проблемы становления богословского образования в странах, недавно освободившихся от идеологического давления на Церковь со стороны атеистической власти. Авторы подчеркивают необходимость внутри Церкви осмыслить феномен богословского образования с точки зрения церковной традиции, прослеживая исторические модели христианского обучения: апостольскую общину, как школу богословия; христианское образование эллинистического типа - Александрийское огласительное училище - исторически первую попытку христианского университета, с восхождением от внешних наук к истинному любомудрию; христианское образование Восточного типа, для которого характерно усвоение авторитетного текста (Писание и толкования), и занятия богословием является образом жизни; принципы модели богословского образования в святоотеческий период (неразрывность богословия и боговидения). Сквозь исторические формы Церковной традиции образования проясняются те духовные принципы, которые являются критериями идентичности современного богословского образования.

Ключевые слова: богословское образование, духовное воспитание, Апостольская школа, раннехристианские школы, святоотеческое Богословское образование, когерентность христианской доктрины

В странах, недавно освободившихся от тотального идеологического давления на Церковь со стороны атеистической власти идет становление богословского образования, а значит активное обсуждение его проблем. Повидимому, особенно остро стоит вопрос в Русской Православной Церкви (РПЦ). Последний Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в целом

одобрил работу Учебного Комитета по реформированию системы богословского образования. Открыто большое количество Духовных училищ, Семинарий, имеющих статус высшего учебного заведения. Духовные Академии по новому церковному стандарту призваны готовить ученых богословия и педагогов для Семинарий. Возникли Православные Университеты. Принятый недавно российский государственный стандарт по теологии позволил светским вузам открыть теологические факультеты.

Однако сама реформа, ее цели, методы и первые результаты вызывают в церковных и академических кругах дискуссию. Это свидетельствует о насущной потребности внутри Церкви осмыслить феномен богословского образования с точки зрения церковной традиции и их взаимное соответствие. «О Тимофее, Предание сохрани, уклоняясь прекословий» (1-е Тим. 6:20). Но если мы верим в непрерывность церковной традиции, встает вопрос об общем.

Апостольская община, как школа богословия

Божественный Учитель Иисус Христос избрав учеников, дал им новое учение, учение не от мира сего, «уча со властью, а не как книжники и фарисеи». Открывал им тайны Царствия, возводя от силы в силу к возвышенной тайне богословия, Своей Мессиианской тайне, чтобы ученики могли через исповедание веры: «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго» взойти к тайне Креста и Воскресения. Облекая апостолов властью, посылает их проповедовать Евангелие Царства: «Идите научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28).

Ученики, простые неученые рыбаки полноту учения получают от Духа Утешителя в чуде Пятидесятницы. «Вся совершает Дух Святы́й (..) рыба́рей богословцы показа» (стихира Пятидесятницы). Они становятся богословами в истинном смысле, знающими Бога, и, следовательно, обладающими победным, непререкаемым словом о Боге. Апостольская община – первая Церковь. Господь в ней – Первосвященник, апостолы – катехумены, оглашенные, получающие посвящение, крещение. Духом Святым они «научены всему». Но не забудем и слезы Петровы как Второе крещение (см. учение св. Отцов о двух крещениях).

«И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа. Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1: 16-18).

Таким образом, воплотившийся Сын Божий «изъяснил» (именно таков буквальный смысл греческого глагола *exēgēsato* – «явил») людям Отца, стал первым «экзегетом» Бога. Во время Своего земного служения Христос учил апостолов и весь народ искусству быть «сынами света». Это – та истинная цель, на достижение которой и были направлены все усилия Спасителя.¹

Какими средствами Христос достигал этой цели, и каковы были внешние формы Его учительства? Прежде всего следует сказать о том, что Христос Сам набирал Себе учеников, причем набирал их, так сказать, без «вступительных экзаменов»:

«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они

были рыболовы. И говорит им: идите за Мною (..) И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна (..) и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним» (Мф. 4:18-22). Ученики называли Иисуса «учителем» (*ho didaskalos*) и «господом» (*ho Kyrios*), и Христос принимал это как должное: «Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно делаете, ибо Я точно то» (Ин. 13:13). Задачу учеников Он определял, прежде всего, как подражание Ему. Умыв ноги ученикам на Тайной вечери, Христос сказал им: «Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтоб и вы делали то же, что Я» (Ин. 13:14-15).

Иисус Христос учил апостолов для того, чтобы они могли передать Его учение следующим поколениям людей. После воскресения Он возложил на них учительскую миссию: «Идите, научите все народы (..) уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19-20). Для осуществления этой миссии им необходимо было содействие Святого Духа, Который, по обетованию Спасителя, должен научить их всему (Ин. 14:26). После того, как в день Пятидесятницы на учеников нисходит Дух Святой (Деян. 2:1-4), они становятся в полном смысле слова апостолами и вступают на путь учительства. Подобно Иисусу, они начинают учить в храме, в синагогах, в частных домах (см. Деян. 5:21; 5:42; 13:14 и др.).

Преемство учения, переходящего из поколения в поколение, было неотъемлемой чертой всякой духовной школы. Иисус Христос как учитель был преемником ветхозаветных пророков и Иоанна Крестителя; преемниками Иисуса стали апостолы и первые поколения христианских «дидаскалов» – учителей, о которых упоминается уже в посланиях апостола Павла². В задачу этих дидаскалов входило, прежде всего, научение вере оглашенных и новокрещенных; наряду с пастырями дидаскалы занимались евангелизацией и катехизацией членов молодых христианских общин.³

«Дидаскал», – пишет протопресвитер Николай Афанасьев, – «обучал Церковь через раскрытие истин веры, содержащихся в Предании и в Писании. Если не все, то по большей своей части дидаскалы – ученые богословы древней Церкви, представители богословской науки, которая служит Церкви (..) В противоположность языческим школам они открывали свои школы, где не только обучались оглашенные, но и верные, желающие познать Слово Божие.»⁴

Для «Апостольской школы» было характерно:

1. Необходимость призвания. «Не вы Меня избрали, но я избрал Вас».
2. Вовлеченность в миссию. Динамичность образовательного процесса.
3. Преемство учения, переходящего из поколения в поколение. Иисус Христос как учитель был преемником ветхозаветных пророков и Иоанна Крестителя; преемниками Иисуса стали апостолы и первые поколения христианских «дидаскалов»-учителей, о которых упоминается уже в посланиях апостола Павла.
4. Внешнего знания Писаний учения веры мало. Вера, поспешествуемая любовью делает способным принять истинное, а не лжеименное знание. Истинное знание Бога, понимание слов Божиих дается свыше в благодатной харизме.
5. Истинное знание Бога сохраняется совокупностью церковной в русле Предания, в общении благодатной божественной жизни.

6. Церковь Христова не от мира, но послана миссией в мир. Павел, Апостол языков, речью в Ареопаге и Иоанн, «Богослов и Друг Христов» учением о Логосе, дают первые великие примеры перевода Евангельской керигмы на язык иной культуры. «Быть всем для всех, чтобы спасти некоторых.»

Христианские богословские школы

Раннехристианские школы

1. Эллинистического типа: Александрийское огласительное училище: идеал христианского гностика, попытка христианского университета, с восхождением от внешних наук к истинному любомудрию.
2. Восточного типа: усвоение авторитетного текста (Писание и толкования); занятия богословием как образ жизни, как «аскитирион».

Первый век и большая часть II в. не знают наличия специальных богословских школ. Небольшие порой, но сплоченные церковные общины, разбросанные по всему греко-римскому миру и даже за его пределами, являли собой своеобразные рассадники христианского образования, где уверовавшие во Христа получали под руководством святых апостолов, а впоследствии их учеников, наставления в истинах веры и жизни. При этом условия церковного бытия во многом определяли направленность этого учительства. Апостолам и их ближайшим по времени ученикам приходилось вести борьбу с различными ересями, носившими характер лжеименного гносиса. Дальнейшим их последователям, кроме того, пришлось вступить в полемику с представителями языческой мудрости, что также не прошло бесследно для характера церковного учительства.

Конец II в. явился весьма знаменательным для истории богословского образования. Численный рост церковных общин, с одной стороны, и усиление антигностической и антиязыческой полемики – с другой, привели к появлению особых богословских школ, первой из которых известна Александрийская. Школа эта была прежде всего катехизаторской, имея своей главной целью научение приходящих в Церковь истинам христианской веры. Однако тот фактор, что Александрия являлась одним из крупнейших тогдашних центров эллинской культуры и многие из слушателей школы имели неплохую философскую подготовку, ставил перед ее знаменитыми учителями Пантенном и Климентом задачу христианско-культурного синтеза. Богословская мысль призывалась дать ответ на вопрошания философствующего ума.

Эта задача, имевшая большое значение для всего последующего развития христианского богословия в целом, ставила еще одну, также оказавшуюся исторически перспективной, проблему – изучения источников вероучения с точки зрения как их содержания, так и текстологии. Начало научной экзегетике и церковной библеистике положил преемник Климента Александрийского по школе – Ориген (182-251). Ему же принадлежит следующая попытка систематического и цельного изложения основных истин христианского учения.

В последующее время на православном Востоке христианско-культурный синтез, достигнутый в Александрийской школе на рубеже II – III вв., имел свое плодотворное продолжение в области богословского образования. Достаточно вспомнить афинское обучение великих каппадокийцев или занятия Златоуста риторикой у Ливания. Все это послужило им потом в их свидетельстве

христианской веры и жизни. Позднее, уже в IX в., образование, которое получил просветитель славян св. Кирилл-Константин в школе св. Фотия, также сохраняло синтетический характер.

Если же мы возьмем научную значимость двух крупнейших богословских школ Древнего Востока – Александрийской и Антиохийской, то она, в первую очередь, выражалась в их библеистико-экзегетической направленности. Выработанные там методы толкования Священного Писания и проводившаяся работа по унификации его текста в немалой степени воздают основание той работе, которая продолжается в современной библеистике. Но, главное, – их опыт служит примером того, что основное внимание богословствующей мысли должно сосредоточиваться на источниках вероучения.

Интересно отметить, что две указанные крупнейшие восточные богословские школы различались не только в выработанных ими методах экзегезиса, но и в существовавших там характерах воспитания. Если Александрийская школа, возникшая как катехизаторская, вплоть до своего упадка в V в., сохраняла открытый характер, то Антиохийская рано стала принимать черты замкнутой корпорации со строгим внутренним укладом, что давало основание называть ее в IV в. *askitirion*. По-видимому, определенное влияние здесь оказало распространение на Востоке монашества.

Александрийское огласительное училище

Вполне закономерно, что лучшая христианская духовная школа древнего мира возникла и развилась на благоприятной почве. Огласительное училище неизменно сохраняло главную практическую цель, каковой являлись научение вере и подготовка к принятию крещения. Обучение, по всей видимости, ограничивалось «введением в христианство» с упором на чтение Священного Писания. Особенное внимание уделялось аскетической практике: богослужение и молитва чередовались с богословскими занятиями. В училище происходило постепенное воцерковление катехуменов, которые по окончании его принимали крещение и становились полноправными членами Церкви.

Однако уже во II веке, при Пантене и Клименте Александрийском, училище стало приобретать черты своего рода «христианского университета» с широким охватом учебных дисциплин. Знаменитая трилогия Климента, его *opus magnus*, представляет собой не что иное, как «программу» огласительного училища Александрии. Основа «Протрептика» («Увещания к эллинам») – лекции, подготовленные ректором для, условно говоря, «1-го курса» возглавлявшегося им училища, т.е. для тех представителей эллинистической традиции, которые заинтересовались христианством и готовились к крещению. «Педагог» представляет собой курс нравственного богословия, предназначенный, очевидно, для «2-го курса», т.е. для новокрещеных. Что же касается «Стромат», то они отражают сокровенный христианский гнозис: они предназначались для тех, кто стремился постичь возвышенное божественное знание. При такой гибкой и академически продуманной программе дидаскал Александрийской школы был не только преподавателем богословия, но и в собственном смысле «детоводителем», духовным наставником своих учеников в вере и аскетической практике. Согласно Клименту, постижение божественных тайн неотделимо от спасения, поэтому христианское образование есть исполнение воли Божией, есть христианский

подвиг веры.

Трилогия Климента дает ясное представление о том, какой курс наук преподавался им в Александрийском училище. На начальных этапах студенты познакомились с науками и искусствами, составляющими «мирсую мудрость», а также со всем многообразием античного философского наследия. Затем изучалось Священное Писание Ветхого Завета, причем упор делался на поиск параллелей между античной и ветхозаветной традицией. Наконец, изучались памятники христианской письменности, в частности, Евангелия и послания св. апостола Павла. Предметом изучения было и собственно церковное Предание, которое сравнивалось с «преданиями» еретиков. Климент обращал особое внимание на опровержение гностических учений: им противопоставлялся истинно христианский «гнозис».

Почему необходимо изучение светских наук и философии? Потому, отвечает Климент, что неученый человек не сможет ни отличить истину от лжи, ни должным образом защитить христианскую веру перед ее врагами.

«[Истинный мудрец] должен быть знаком со всем кругом школьных наук и всей эллинской мудростью. Но сами по себе они не имеют для него никакого значения; он видит в них полезную и лишь по времени и обстоятельствам необходимую принадлежность жизни. В руках еретиков науки эти служат средством для распространения лжи и зла, в его же руках – орудием добра и истины.»⁵

Христианская наука преподается Климентом как единое целое, не разделенное на те или иные области. И в этом, как мне представляется, не недостаток, но, напротив, великое достоинство того метода преподавания, который был характерен для Александрийской школы. Ученики усваивали христианскую доктрину в ее когерентности, прослеживая неразрывную связь между догматом, нравственностью, опытом молитвы и мистическим опытом.

Какую цель преследовала образовательная система, разработанная Климентом? Прежде всего, он хотел приобщить учеников к сокровищам истинного гнозиса, научить их мудрости, раскрыть перед ними тайны христианской веры. Но не меньшее значение имело духовно-нравственное воспитание учащихся.

Игумен Иларион (Алфеев): Православное богословие на рубеже столетий

Если же говорить о содержательной стороне учебного процесса в раннехристианской школе, то здесь нам есть чему поучиться. Мы бы выделили десять пунктов, над которыми, как нам представляется, стоило бы подумать при подготовке новой модели духовной школы⁶:

1. Прежде всего, раннехристианская духовная школа была единой общиной, братством людей, объединенных одной целью, одной задачей (это в равной степени относится к апостольской общине, к школе Оригена и к Нисибийскому училищу). Что препятствует нам возродить этот дух общинности и единства?
2. Отношения между учителем и учеником в раннехристианской школе строились на основе взаимного доверия; учеников и учителя скрепляли тесные узы дружбы; не было дистанции между «профессорско-преподавательской корпорацией» и студентами. Возродить такие отношения возможно, если

некоторые современные «начальствующие» и «учащие» добровольно откажутся от того положения, в которое они себя поставили, если не будут относиться к студентам свысока, но научатся общаться с ними на равных, научатся уважать и ценить студентов. Если преподаватели духовных школ последуют примеру Христа, который, будучи «учителем и господом», умывал ноги Своим ученикам, атмосфера в духовных школах сразу же коренным образом изменится.

3. В духовной школе христианского Востока ключевой фигурой был ректор. Он являлся духовным руководителем школы, определял общее направление ее деятельности. Он был «педагогом» – детоводителем, своего рода духовным отцом учащихся. Ректор не был администратором, не занимался финансовой деятельностью, не отвечал за дисциплину в школе: за это отвечали другие. Ректор был богословом, специалистом в своей области (в частности, в области библейской экзегетики), и потому пользовался огромным авторитетом. Что мешает нам возродить такой тип руководителя духовной школы? Между прочим, именно такими ректорами были протоиерей Георгий Флоровский, протопресвитеры Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф, сочетавшие ученость с выдающимися пастырскими качествами и создавшие одну из лучших сегодня православных богословских академий. Таким же научным и духовным руководителем является епископ Диоклийский Каллист, который, не будучи в формальном смысле слова ректором учебного заведения, сумел за тридцать лет преподавания в Оксфорде создать свою школу, выпускниками которой являются многие современные православные богословы.
4. Высшим органом управления в таких школах, как Нисибийская, было общее собрание учащихся и учащихся. Не следует ли возродить эту традицию? Не стоит ли подумать о том, чтобы именно в компетенцию общего собрания передать ключевые вопросы академической жизни?
5. Не следует ли такие вопросы дисциплинарного характера, как исключение учащихся из школы, сделать прерогативой общего собрания? Это во всяком случае избавит духовные школы от произвола членов администрации, которые лишатся возможности выносить свой суд над учащимся «келейно» под влиянием личных симпатий или антипатий (при нынешней системе ни одна духовная школа от этого не застрахована).
6. Не следует ли сделать должности лиц, ответственных за дисциплину в школе (инспекторов, помощников инспекторов и пр.), выборными, с тем чтобы в выборах участвовали и преподаватели, и студенты? Это существенным образом повысит уровень доверия учащихся к инспекции.
7. Обращаясь к опыту огласительных училищ эллинистического мира (в частности, Александрийского училища времен Климента), не стоит ли нам подумать о том, чтобы от фрагментации богословского курса, т. е. деления его на многочисленные «дисциплины», такие как догматическое, нравственное, систематическое, литургическое богословие, постепенно переходить к его интеграции? Не следует ли, например, связать воедино догматическое и литургическое богословие и изучать догматы на материале богослужебных текстов? По крайней мере, мы могли бы разработать такую систему преподавания богословия, при которой курсы богословских наук были бы взаимосвязанными и взаимодополняющими (при нынешней системе

- эти курсы иногда дублируют друг друга⁷, иногда же не имеют между собой никакой связи).
8. Опыт древнехристианских дидакалов может научить нас тому, как воспитать у учащихся навыки самостоятельной работы (Ориген, в частности, приучал своих слушателей не только ставить вопросы, но и самим находить на них ответы). Не следует ли нам продумать такую академическую систему, при которой упор делался бы не на усвоение учащимися некоей суммы богословских, церковно-исторических и иных сведений, но на развитие у студентов вкуса к самостоятельному изучению предмета? Не следует ли сократить лекционный курс, высвободив время для самостоятельных занятий? Не стоит ли разработать новую концепцию лекции, которая стала бы лишь введением в проблематику и библиографию вопроса, а ответ на вопрос студенты искали бы самостоятельно?
 9. Во всех школах древнехристианского Востока важное место занимало изучение философских дисциплин. Уделяем ли мы сегодня достаточное внимание таким предметам, как логика или диалектика, изучаем ли произведения античных (и не только античных) философов, заботимся ли о том, чтобы привить учащимся навыки диалектического мышления? Наверное, необходимо думать о том, как существенным образом повысить уровень философской подготовки наших студентов.
 10. Раннехристианские школы были не только научно-богословскими центрами, но и центрами духовного воспитания юношества. Богословские школы формировали молодого христианина, закладывали в нем основы подлинной церковности, истинно-христианского благочестия. Можем ли мы похвалиться тем, что из стен наших богословских школ люди выходят более преданными Церкви, более духовно зрелыми, чем когда они туда поступали?

Богословское образование в святоотеческий период

Основные характеристики

1. Рецепция античной культуры, христианский культурный синтез.
2. Неразрывность богословия и боговидения.

Отцы классической эпохи православного богословия – святитель Афанасий, Каппадокийцы, святой Максим Исповедник, патриарх Фотий, святой Иоанн Дамаскин и многие другие – были для своего времени представителями самой широкой интеллектуальной культуры. Они стояли на уровне утонченной элиты той эпохи. Они в совершенстве знали философию, риторiku, математику, музыку и пр. Отдавая бесспорное первенство духовной подготовке и благочестию, они нисколько не опасались того, что светская образованность как-то сможет помешать их благочестию и духовности. И на самом деле, ни их смирение, ни их вера, ни их молитвенный подвиг не страдали от того, что они знали Платона, Аристотеля, Гомера, Вергилия и подобных. Кто хотя бы немного углубился в изучение патристики и читал святых отцов, тот не может не удивиться образованности и высокому уровню тех, кого хотят представить простачками и обскурантами. Обскурантами и «простачками» их хотели именно представить враги христианства Лукиан, Цельс, Юлиан, но на самом деле святые отцы поражали даже язычников своей «внешней», то есть интеллектуальной подготовкой (см. Приложение: Отцы

и церковные писатели о христианском образовании).

Образование в Римско-Византийской Империи и в России

Во все времена существенным преимуществом византийцев была их высокая образованность. Унаследованные от Рима уважение к закону, а от древней Эллады – культура образованности, вкупе с христианским просвещением позволили Византии побеждать варваров. Именно это триединство – закон, ученость и христианство – давало в руки Византии мощнейшее политическое орудие. Именно это передала Византия Западной Европе, именно в этом смысле была она золотым мостом, соединявшим в пространстве Восток и Запад, во времени – античность и позднее средневековье, в сущности, Возрождение.⁸

Грамотность была широко распространена в средних по состоятельности и социальному положению слоях населения. Появление в IX веке таких образованных людей, как Иоанн Грамматик, Лев Математик, наконец, таких как знаменитый патриарх Фотий, свидетельствует о высокой постановке школьного дела в империи. Не следует забывать, что Константин-философ и его брат архиепископ Паннонский Мефодий – первоучители славянские, родившиеся и получившие образование в конце VIII – начале IX века, обязаны своей школьной образованностью и научной подготовкой современной им общественной среде и высшей школе. А Фотий, до того как стать патриархом, служил профессором философии и богословия в Константинопольской высшей школе. В этом университете преподавались известные всем средневековым школам последующего времени тривиум и квадриум, и после грамматики и риторики следовали геометрия, астрономия, философия и наука всех наук – богословие.⁹

Падение Константинопольской Империи в 1453 году было катастрофой Вселенского Православия, вполне сопоставимой с его катастрофой в 1917 году. Римско-Византийская Империя всегда поддерживала целостное здание христианской культуры, увенчанием которого было богословие. Пала Империя – не стало, в следующем поколении, и богословия. Турки строжайше запрещали любые христианские школы.

Катастрофа была, всемирной: хотя Россия стояла на пороге своего нового великого призвания и соответствовала ему, например, в отношении государственном, в некоторых других отношениях она еще не была вровень со своим новым призванием. В частности, в области богословия Россия была в весьма незрелом состоянии, привыкши во всех трудных случаях апеллировать в Константинополь. Число святоотеческих творений, бывших в обращении в славянском переводе, было весьма ограничено, и среди них почти не было переводов, выполненных в России. Греческого языка никто не знал.¹⁰

Но богословское образование в Древней Руси существовало – оно концентрировалось в монастырях, имело практический характер и не выходило за рамки начального круга знаний. Читать учились по Псалтири, петь на клиросе. При этом полнота богослужебного строя выдвигала выдающихся книжников, таких как митрополит Макарий, митрополит Даниил, преподобный Зиновий Отенский, преподобный Иосиф Волоцкий.

Необходимость регулярных богословских школ была осознана в Юго-западной Руси в 16 веке, а в Московском государстве уже в 17 веке. Старейшее

высшее учебное заведение России Московская Духовная Академия не так давно отметила свое 300-летие.

«Первые русские богословские школы были скопированы с западных школ. Киево-Могилянская, Славяно-Греко-Латинская, а потом Московская, Санкт-Петербургская и Казанская академии не избежали этого¹¹», так один из авторитетных профессоров Московской Духовной Академии А. И. Осипов характеризует эти школы как схоластические. Под схоластикой здесь понимается система образования, при которой богословие изучается ради богословия, наука ради науки. Главная цель (спасение) оставлена, забыта, выброшена. Это – самая основная опасность, угрожающая школе. Уважаемый профессор констатирует: «Вы подумайте только: расцвет и торжество Православия в России, золотоглавые храмы, сколько монастырей, духовенства и школ! А богословие в школах – по Буддею¹². Студенты хорошо знают латынь и античных авторов, но совершенно не знают никаких святых отцов.»¹³

Известный историк протоиерей Валентин Асмус пишет, что после падения Византии «оружейные фабрики культуры были только на Западе», и в обстановке конкуренции, «надо было взять в руки это оружие и перенять... фабричное дело. Не так же ли поступали и Святые Отцы, когда они, с самого II века, широко и безбоязненно черпали в арсеналах языческого любомудрия стрелы для уязвления умов и сердец и пленения их под благое иго Христово? Там дистанция была еще гораздо больше: там было перед лицом Церкви язычество, здесь же христианство, хотя и умаленное и искаженное, но все же росшее из той же почвы, не вовсе чуждое и учению Христову, и преданию Святых Отец».¹⁴

Богословское образование в императорской сословной России было тесно связано с судьбами Церкви и разделило ее трагическую и противоречивую судьбу. Но несмотря на свою «казенность» и сословность Духовные школы дали России выдающихся ученых (Борис Болотов, Алексей Дмитриевский, Николай Глубоковский), богословов и иерархов (Филарет Московский, Феофан Затворник, Иоанн Поммер).

Богословское образование в среде русской эмиграции

Основанный митрополитом Евлогием в 1930 году Свято-Сергиевский институт в Париже должен был продолжить традиции дореволюционных духовных школ, при этом избежав присущих им ошибок в постановке учебного дела. Институт был задуман не только как место подготовки клириков, но и как научно-богословский центр, в котором творческий потенциал студентов мог бы максимальным образом раскрыться. Основным принципом института стал индивидуальный подход к студенту – то, чего так недоставало старым академиям и что начисто отсутствовало в семинариях и духовных училищах. Архимандрит Киприан Керн был одним из тех людей, благодаря кому Свято-Сергиевский институт превратился в крупный научно-богословский центр, единственное в своем роде православное учебное заведение нового типа, где сохранялось все лучшее из того, что предлагали старые академии и семинарии, но где был полностью изжит свойственный им «бурсацкий» дух. Впоследствии традиция богословского образования, сложившаяся в Свято-Сергиевском институте, была перенесена и на американскую почву – в Свято-Владимирскую духовную семинарию. Там дело отца Киприана продолжили его ученики – протопресвитеры Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф.

Духовные школы критикуются и за недостаточную духовность и за недостаточный уровень образования. Одни полагают, что причины болезней уходят в советскую эпоху. В свое время, будучи студентами Академии, мы с интересом читали появившуюся публикацию писем одного из авторитетных духовников, игумена Никона (Воробьева).¹⁵ Еще в 60-е годы он писал о ложной постановке духовной школы. Взяли механически внешний строй старой школы без его достоинств, без его опытных и образованных преподавателей, без учета нынешних обстоятельств – и спокойны. Даже отношение к учащимся как к лагерникам, а не свободным живым личностям, которым надо всячески помочь утвердиться, прежде всего, в вере, в живой вере в Бога, а не требовать знания на память кучи сырого материала. Доходит ли, не говорю до сердца, а даже до ума хоть один предмет? Делается ли он «своим» для учащегося? Вернее, что нет. Эта куча фактов, сырой, не переваренный материал. Хуже того. При малой вере, рассмотрение плотским «лжеименным» разумом духовных истин приводит к «снижению» значения этих истин. С них снимается покров таинственности, глубины Божественной мудрости. Эти истины делаются предметом «пререкания языков», чуждым для души учащегося. Вера слабеет и даже исчезает. Из духовной школы и выходит поэтому много самых ядовитых безбожников.

Учащихся перегрузили предметами. Некогда подумать. Программа составлена неправильно. Духовная школа должна: 1) укрепить веру, 2) научить молиться, 3) научить познать себя, свое падение, 4) научить бороться с грехом и с искушениями, как боролись Св. Отцы, 5) научить понимать и чувствовать творения Св. Отцов, а через них и Евангелие, сделать их своими, родными, близкими сердцу, живыми, отвечающими на все требования души в любом состоянии, а не предметом изучения, 6) научить смотреть на заповеди Св. Евангелия не как на препятствия к вольной жизни или как хорошую мораль для общественной жизни, а как на путь к нахождению еще здесь, на земле, драгоценной жемчужины, увидя которую, человек с радостью продает все, т.е. все житейские мирские интересы, удовольствия, все, что ценит мир, все оставляет не по принуждению, а уже по влечению души к этой жемчужине. А найти ее можно самому, кто имеет веру во Христа и всеми силами старается жить по заповедям Евангелия.

Иеромонах Серафим Роуз в книге «Вкус истинного православия. Обогословие блаженного Августина» пишет, что «патристическое возрождение» в XX веке, по крайней мере, отчасти исправило эти недостатки и освободило православные академии и семинарии от витавших в их стенах недолжных «западных веяний». Фактически оно явилось продолжением того движения за православное самосознание, которое было начато в XVIII – начале XIX вв св. Никодимом Святогорцем, св. Макарием Коринфским, блаженным Паисием (Величковским), митрополитом Московским Филаретом и другими – как в Греции, так и в России. Однако, «возрождение» это имело и свою негативную сторону. Прежде всего, к XX веку оно уже стало (и поныне остается в значительной степени) «академическим» феноменом: абстрактная, оторванная от действительности жизнь, несущая отпечаток ничтожнейших страстей современных академических кругов – самодовольства, жажды превосходства, отсутствия снисходительности в критике взглядов других, образование партий и кружков «посвященных», диктующих «моду» на взгляды¹⁶.

Один из активных сторонников реформы епископ Венский Илларион Алфеев в книге «Православное богословие на рубеже столетий» пишет, что реформа, в

которой мы нуждаемся, не предполагает изобретения чего-то принципиально нового. Напротив, нам необходимо вернуться к древнему, забытому наследию богословского образования на христианском Востоке. Как представляется епископу Илариону Алфееву, знаменитые школы христианского Востока являлись носителями подлинного духовного образования, и нынешнее положение дел во многом является следствием отступления от принципов, заложенных в этих школах, но вытесненных впоследствии чуждыми Православию влияниями. Может быть, суть требуемой реформы заключается в том, чтобы как можно дальше отойти от схоластических, средневековых подходов к учебному процессу и вернуться к истинно православным традициям богословского образования.¹⁷

Упомянутые высказывания свидетельствует о насущной потребности внутри Церкви осмыслить феномен богословского образования с точки зрения церковной традиции и их взаимное соответствие. Решить поставленные задачи возможно формируя научно-богословскую и воспитательную среду, а именно вовлеченность в богослужение, в миссию Церкви.

Приложение: Отцы и церковные писатели о христианском образовании

Святитель Климент Александрийский

Некоторые же полагают весьма разумным ни с диалектикой, ни с философией дела не иметь, ни естественных наук не изучать, но довольствоваться лишь простой и чистой верой. Но это все равно, как если бы утверждали они, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, а достаточно лишь посадить ее, чтобы иметь потом гроздь [..] При уходе же за виноградной лозой [..] приходится пользоваться ножом, заступом и другими земледельческими орудиями [..] Подобным же образом свести все к истинному учению может лишь человек основательно ученый. Для защиты веры от посягательств на нее он пользуется многим и из геометрии, и из музыки, и из грамматики, и из философии.¹⁸

Тертуллиан

Что Афины – Иерусалиму? что Академия – Церкви? что еретики – христианам? Наше установление – с портика Соломонова, а он и сам передавал, что *Господа должно искать в простоте сердца* (Прем. 1,1). Да запомнят это все, кто хотел сделать христианство и стоическим, и платоническим, и диалектическим.¹⁹

Евагрий Понтийский

«Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов», говорил в IV веке Евагрий Понтийский. «Богослов – это не просто «специалист» в области религии, читающий или пишущий на духовные темы, но человек, обладающий личным опытом молитвы и богообщения.»²⁰

Святитель Григорий Богослов

(О годах учения, проведенных в Афинах совместно с Василием Великим): «Нам известны были две дороги: одна – это первая и превосходнейшая – вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям; другая – это вторая и

неравного достоинства с первой, вела к наставникам наук внешних...»²¹

Слово к хитрым в слове и начну от Писания: *Я на тебя, гордыне* (Иер. 50:31), то есть на ученость, и слух, и мысль! Ибо есть, действительно есть люди, у которых при наших речах чешутся и слух, и язык, и даже, как вижу, и руки, которым приятны *негодные пустословия и прекословия лжеименного знания* и ни к чему полезному не ведущие *словопрения* (1 Тим. 6:4.20). Ибо Павел проповедник и вводитель *слова сокращенного* (Рим. 9:28), учитель и ученик рыбаков, называет так все излишнее и изысканное в слове. Хорошо, если бы те, о ком у нас речь, также были несколько искусны в деятельном любомудрии, как оборотлив у них язык и способен приискивать благородные и отборные слова. Тогда мало и, вероятно, меньше, чем ныне, стали бы они вдаваться в нелепые и странные мудрования и словами (о смешном деле и выражусь смешно) играть, как шашками. Но, оставив все пути благочестия, они имеют в виду одно – задать или решить какой-нибудь вопрос и походят на зрелищных борцов, представляющих не ту борьбу, которая ведет к победе по законам ратоборства, но ту, которая привлекает взоры не знающих дела и получает у них одобрение [...] дошло уже до этого, если зло стало неудержимо и невыносимо, даже есть опасность, что и великое наше таинство обратят в низкое ремесло [...] Любомудрствовать о Боге можно не всякому, – да! не всякому. – Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать: когда, перед кем и сколько. Любомудрствовать о Боге можно не всем; потому что способные к этому люди испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, и душу и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу. Когда же можно? – Когда бываем свободны от внешней тины и мятежа, когда владычественное в нас не сливается с негодными и блуждающими образами, как красота писем, перемешанных письмами худыми, или как благовоние мира, смешанного с грязью. Ибо действительно нужно *остановиться*, чтоб *познать Бога* (Пс. 45:11), и *когда изберем время, судить о правоте* Богословия (Пс. 74:3).²²

Святитель Василий Великий

Красильщики назначенные к окраске готовят сперва особыми способами, и потом наводят цвет, пурпуровый, или другой какой: подобным образом и мы, чтоб добрая слава наша навсегда оставалась неизгладимой, посвятив себя предварительному изучению сих внешних писателей, потом уже начнем слушать священные и таинственные уроки, и как бы привыкнув смотреть на солнце в воде, обратим, наконец, взоры к самому свету.²³

Симеон Новый Богослов

Внизу будучи, не пытай высших.
Прежде чем стать тебе высшим,
Да не восхлопочешь ты о нижних,
Да, подскользнувшись, от обоих не отпадешь.
Точнее же – не будешь погублен с нижними.²⁴

«Духовное познание», говорит пр. Симеон, обращаясь к своим монахам, «подобно некоему дому, построенному посреди светского и языческого знания, в котором хранится, как твердый и отовсюду запертый сундук, знание боговдохновенных Писаний, и в нем, в качестве сокровища, неизреченное богатство. Никто из входящих в дом не сможет никогда его увидеть, если, конечно, сундук не будет им открыт. Но он не может быть открыт никогда человеческой мудростью». Здесь, таким образом, утверждается коренная противоположность между духовным познанием и светской наукой. Более того, чисто внешнее знание Писания не открывает его скрытого сокровища: «Но даже как если человек, взяв весь этот сундук на свои плечи, будет его носить, он не знает положенного в нем сокровища, так если человек прочтет и будет говорить наизусть, как будто один псалом, все Писания, он не знает скрытого в них дара Святого Духа. Потому что ни то, что в сундуке, посредством сундука, ни то, что в с нею неизреченные и чувственными глазами невидимые вечные блага [...] Под человеком же, взявшим сундук, предполагай того, кто выучил наизусть и всегда Писания, посредством Писания, делается явным». Одно Писание, без духовного опыта, следовательно, недостаточно. Затем пр. Симеон объясняет символизм сундука: «Подразумевай под сундуком Христово Евангелие и остальные Божественные Писания, имеющие в себе запертою и запечатанную вечную жизнь и вместе имеет на устах все Писания. Он носит их, как в сундуке, имеющем заповеди Божий, в памяти души, как драгоценные камни, в коих находится вечная жизнь».

Преп. Симеон противопоставляет умственному знанию познание, основанное прежде всего на исполнении заповедей, но не останавливающееся на этом, а завершающееся сознательным и личным опытом Божественного: «Ибо от заповедей (рождаются) добродетели, а от них откровение тайн, скрытых и покровенных в букве [...] И через исполнение заповедей [...] открывается нам дверь познания, вернее же не через них, но через сказавшего: «Любящий Меня заповеди Мои сохранит и Мой Отец полюбит его и Я явлюсь ему Сам». Следовательно, когда Бог вселится и будет ходить в нас и явит Сам Себя нам чувственно, тогда и мы познавателью видим то, что в сундуке, то есть сокрытые в Божественном Писании Божественные тайны. Иным же способом невозможно, никто да не заблуждается! раскрыть сундук познания и насладиться находящимися в нем благами или оказаться в их причастии и созерцании.»²⁵

Святитель Филарет Московский

Не скажет ли мне кто-нибудь: это истина Божия, предоставляем ее богословам, нам предлежит подвиг о истине естественной, полезной для человека и для общества человеческого? [...] Исторгните сердце из тела, что будет с телом? Надобно ли сказывать? Исторгните истину Божию и Христову из человечества, с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца.²⁶

Проф. Архимандрит Киприан (Керн)

Нет большей неправды и клеветы, возводимых на православную духовность, как отождествление ее с мракобесием и гносимахией. Обскурантские вкусы некоторых духовных лиц ни в коем случае не должны быть распространяемы на самое Православие. Они тут ни при чем. Христианство является религией воплощенного Логоса (этот греческий термин означает как «слово», так и

«разум»), с пришествием Христа «воссия мирови свет разума», открылся доступ к истинному «гнозису». Потому и служитель Логоса должен быть «гностиком» (в том смысле, в каком этот термин употреблялся Отцами Церкви), а не гносимахом или обскурантом.²⁷

о. Георгий Кондофра

Пятая международная конференция по христианскому образованию, которая происходила в августе 1994 года в городе Халки, Турция, приняла перечень рекомендаций и первоочередных действий, направленных на поддержание развития богословского образования внутри церквей. В этом документе говорится о необходимости тесных связей между верой и познанием, которая должна находить свое выражение в литургической общинной жизни, а именно в евхаристии и в церковной жизни. Эти два приоритета должны составлять фундамент богословского образования.

Один из референтов православный иерей отец Георгий Кондофра на заключение конференции высказал следующее мнение: «Богословское обучение не ставит конечной целью только профессионализм, оно соответствует, прежде всего, служению, «литургии в Церкви»²⁸.

СНОСКИ

- ¹ Иларион (Алфеев), епископ. *Апостольская община как «духовная школа»*. Доклад на консультации православных богословских школ в Санкт-Петербургской духовной академии, 20-26 января 1999 г. Available: http://bishop.hilarion.orthodoxia.org/1_3_3_5_2_2_1
- ² См. Ефес. 4:11: «И Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями (*didaskalous*)».
- ³ Иларион (Алфеев), епископ. *Апостольская община как «духовная школа»*. Доклад на консультации православных богословских школ в Санкт-Петербургской духовной академии, 20-26 января 1999 г. Available: http://bishop.hilarion.orthodoxia.org/1_3_3_5_2_2_1
- ⁴ Николай (Афанасьев), протопресвитер. (1971) *Церковь Духа Святого*. Париж: Умса-Press, с. 136.
- ⁵ Климент Александрийский. (1996) Строматы 6, 10. В: *Отцы и учителя Церкви III века*. Антология/ Составление, биографические и библиографические статьи иеромонаха Илариона (Алфеева). Москва: Т.И.М., сс. 30-299. Available: <http://www.wco.ru/biblio/books/alfeev3/Main.htm>
- ⁶ Иларион (Алфеев), епископ. *Духовное образование на христианском Востоке*. Доклад на консультации православных богословских школ в Санкт-Петербургской духовной академии, 20-26 января 1999 г. В: журналах «Христианское чтение» № 18, 1999; «Церковь и время» № 2 (9), 1999.
- ⁷ Так, например, латинский догмат о *Filioque* изучается в курсах догматического богословия, сравнительного богословия, истории западных исповеданий и т.д.
- ⁸ Карлов В. Н. (2004) Византия. Золотой мост истории. В: *Глаголь*. Православный

- педагогический журнал, Online-публикация (9.06.04). Available: <http://www.glagol-online.ru/arc/online-pub/749/>
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Валентин (Асмус), протоиерей. (2002) К оценке богословия святителя Петра Могилы, митрополита Киевского. В: *Богословский Сборник*, Выпуск 10. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный институт, стр. 224-241. Available: <http://progoza.narod.ru/Asmus-2.htm>
- ¹¹ Осипов А. И. (2002) Задачи и проблемы духовных школ. В: *Православное слово*, № 4 (209), (Н.Новгород). Available: www.pagez.ru/items/012.php
- ¹² Буддей – это протестант, написавший учебник, по которому и предписывалось преподавателям читать, а студентам – зубрить богословие. Киево-Могилянская, Славяно-Греко-Латинская, а потом Московская, Санкт-Петербургская и Казанская академии не избежали этого. Это привело тому, что комиссия по инспекции духовных училищ в 1825 году была вынуждена постановить: «Никто своей богословии не преподает. Все должны богословию преподавать по латыни и по образцу богословии Буддея». [см. Осипов А. И. (2002) *Задачи и проблемы духовных школ*].
- ¹³ Осипов А. И. (2002) Задачи и проблемы духовных школ. В: *Православное слово*, № 4 (209), (Н.Новгород). Available: www.pagez.ru/items/012.php
- ¹⁴ Валентин (Асмус), протоиерей. (2002) К оценке Богословия Святителя Петра Могилы, Митрополита Киевского. В: *Богословский Сборник*, Выпуск 10. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный институт, сс. 224-241. Available: <http://progoza.narod.ru/Asmus-2.htm>
- ¹⁵ Иларион (Алфеев), епископ. *Православное богословие на рубеже столетий. Произойдет ли возрождение русской богословской науки?* Доклад на международной научной конференции «Русская Православная Церковь с 1943 года до наших дней» в Свято-Преображенском монастыре г. Бозе (Италия), 15-17 сентября 1999 г. Available: http://bishop.hilarion.orthodoxia.org/1_3_3_5_4_3
- ¹⁶ Серафим (Роуз), иеромонах. (1995) *Вкус истинного Православия: Блаженный Августин, епископ Иппонский*. Москва: Российское отделение Валаамского общества Америки. Available: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000125/st000.shtml>
- ¹⁷ Иларион (Алфеев), епископ. *Православное богословие на рубеже столетий. Произойдет ли возрождение русской богословской науки?* Доклад на международной научной конференции «Русская Православная Церковь с 1943 года до наших дней» в Свято-Преображенском монастыре г. Бозе (Италия), 15-17 сентября 1999 г. Available: http://bishop.hilarion.orthodoxia.org/1_3_3_5_4_3
- ¹⁸ Климент Александрийский. (1996) Строматы 1, 9. В: *Отцы и учителя Церкви III века*. Антология/ Составление, биографические и библиографические статьи иеромонаха Илариона (Алфеева). Москва: Т.И.М., сс. 30-299.
- ¹⁹ Тертуллиан. (1994) О прескрипции [против] еретиков 7,19-20 (De praescriptione haereticorum)/ перев. А. Столярова. В: Тертуллиан, Квинт Септимий Флорент. *Избранные сочинения*/ Пер. с лат.; Общ. ред. и сост. А. А. Столярова. Москва: Издательская группа «Прогресс», «Культура», сс. 106-130.
- ²⁰ Евагрий Понтийский, авва. (1994) Слово о молитве. В: *Творения аввы Евагрия*. Аскетические и Богословские трактаты/ Перевод, комментарии А. И. Сидоров. Москва: Мартис, сс. 76-93.

- 21 Григорий Богослов, святитель. (1994) Слово 43: Надгробное Василию, Архиепископу Кесарии Каппадокийской. В: Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. *Собрание творений* в 2-х томах. Т.1. Москва: Свято-Троицкая Сергиева лавра, Репринтное воспроизведение издания: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольскаго. Санкт-Петербург: Издательство П. П. Сойкина, 1994, сс. 616-617.
- 22 Григорий Богослов, святитель. (2000) Слово 27. Против евномиан и о богословии первое, или предварительное. В: Григорий Богослов. *Собрание творений*: в 2 т. Т.1. Минск: Харвест; Москва: АСТ, сс. 468-476.
- 23 Василий Великий, святитель. (2001) Беседа 22: К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями. В: Василий Великий, святитель. *Беседы*. Москва: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, сс. 115-123. – [Православие и современность].
- 24 Симеон Новый Богослов. *Главы богословские и созерцательные*, §7. Available: <http://agnuz.info/book.php?id=417&url=/content.htm>
- 25 Симеон Новый Богослов. (1993) Слово 49. В: Симеон Новый Богослов. *Слова Преподобного Симеона Нового Богослова*. Москва: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, с. 445.
- 26 Филарет Московский. (1885) Слово в день совершившагося столетия Императорскаго Московскаго Университета. (1854 год). В: *Сочинения Филарета, Митрополита Московскаго и Коломенскаго. Слова и Речи*, Том V, 1849-1867 (последний). Москва: Типография А. И. Мамонтова и Ко, Леонтьевский переулок, № 5, сс. 293-300.
- 27 Киприан (Керн), архимандрит, профессор. (2000) *Православное пастырское служение*. Санкт-Петербург: Сатисъ, с. 384.
- 28 Доклады на Пятой международной конференции по христианскому образованию. (1994) (Август 1994 г., Халки, Турция). В: *Православная община*, № 24. Available: http://www.sfi.ru/ar.asp?rubr_id=406&art_id=2824&page=1

Teoloģiskas skolas izglītības paradigma: jautājums par identitāti

Kopsavilkums

Raksts aplūko teoloģiskās izglītības problēmas, kas raksturīgas sabiedrībām, kuras relatīvi nesēn atbrīvojušās no totalitārās ateistiskās ideoloģijas spiediena uz Baznīcu. Autori uzsver nepieciešamību analizēt kristīgo izglītību Baznīcas tradīcijas ietvaros. Tādējādi raksts strukturēts atbilstoši Baznīcas kristīgās izglītības vēsturiskajiem modeļiem, atklājot šajos modeļos izglītības baznīciskos garīgos principus.

Apustuļu kopiena tiek aplūkota kā pirmā teoloģijas skola, kuras centrā ir tās skolotājs (*didaskalos – gr. val.*) Kristus jeb Dieva “ekseģēts”, jo Dieva Dēla būtiskais uzdevums bija “izskaidrot” (*exēģēsato – gr. val. `darīt zināmu`*) ļaudīm Tēvu un mācīt, kā kļūt par “gaismas dēliem” (Lk. 16:8; Jņ. 12:36). Mācīšanas stratēģija, ko īstenoja Kristus, lai sasniegtu savu mērķi, kļūst par t.s. *apustuliskās skolas* izglītības pamatprincipiem, proti: garīga aicinājuma nepieciešamība; izglītības procesa misioloģiskais dinamisms;

mācības tradēšana un autentiskas Dieva pazīšanas glabāšana Baznīcas Tradīcijas gultnē; Rakstu mācību vienotība ar Dieva pazīšanu un svētīgu dievbijīgu dzīvi; logosa evaņģēliskā tulkojamība dažādu kultūru valodās.

Agrīnās kristietības skolas: 1) hellēnistiskā Aleksandrijas katehūmenu skola (2. gs.) ir pirmais mēģinājums radīt kristīgo universitāti. Studiju stratēģija virzās no ārēju profānu zinātņu apgūšanas uz patiesu gudrību, kas apgūstama mīlestībā uz Dievu. Saskaņā ar Aleksandrijas Klēmentu – kristīgās universitātes pirmtēvu – kristīgā izglītība ir Dieva gribas izpildīšana, kristīgas ticības varoņdarbs. “Patiesi gudrajam jāpazīst visa grieķu gudrība, bet pati par sevi tā viņam nenožīmē neko, viņa rokās tā kalpo par labā un patiesības ieroci” (Klēmēns); 2) Austrumu kristīgās skolas tipu (Antiohijas skolu) raksturo autoritatīva teksta apguve (Raksti un ekseģēze), kā arī nodarbošanās ar teoloģiju kā dzīvesveidu jeb “*asketirion*”, acīmredzot Austrumos topošo klosteru ietekmē.

Agrīnās kristietības teoloģiskās izglītības principiālos, saturiskos aspektus apkopojis bīskaps Ilarions (Alfejevs): 1) agrīnās kristietības garīgā skola kā kopiena jeb uz vienu baznīcisku mērķi orientēta brālība; 2) kristīgās sadraudzības princips skolotāju un skolnieku attiecībās. Skolu pasniedzēji iemieso Kristus piemēru, kurš, būdams Skolotājs un Kungs, mazgāja saviem mācekļiem kājas; 3) rektors – skolas garīgais vadītājs – kā kristīgās Austrumu skolas galvenā personā. Rektors ir nevis administrators, bet autoritatīvs teologs un garīgais vadītājs, viņš ir galvenais Svēto Rakstu interpretators skolā; 4) studentu un pasniedzēju kopsapulce kā augstākais pārvaldes orgāns (piem., Nisas skolā), kur audzēkņu izslēgšana no skolas, piemēram, ir tieši kopsapulces prerogatīva; 5) teoloģijas programmas integrācija, kas balstās doktrīnas koherentajā raksturā; 6) agrīnās kristietības skolotāju (*didaskalos*) prakse audzēkņus radināt pie patstāvīgā darba (piem., Origēns savus klausītājus iemācīja ne tikai uzdot jautājumus, bet arī pašiem atrast uz tiem atbildes); 7) filozofijas disciplīnu apguves nozīmīgums dialektiskās domāšanas izkopšanā; 8) agrīnās kristietības skolas kā zinātniskās teoloģijas centri un kā garīgās audzināšanas centri, kuros cilvēks apguva patiesa baznīciskuma pamatus un cildenu kristīgo stāju.

Svēto Baznīcas tēvu teoloģiskās izglītības modelis, pirmkārt, integrē antīkās kultūras recepciju un kristīgās teoloģijas zināšanas kā visu zināšanu kritēriju: “Mums bija zināmi divi ceļi – viens, pirmais un galvenais, kas veda uz mūsu svētajiem tempļiem un to skolotājiem, cits – otrais un zemākas vērtības par pirmo, tas veda pie ārējo zināšanu skolotājiem...” (Sv. Gregorijs Teologs par mācību gadiem Atēnās kopā ar svētītāju Bazilu Lielo). Otrkārt, viens no galvenajiem pareizticīgās teoloģijas klasiskā perioda tēvu (Sv. Atanāsija, kapadoķiešu, Sv. Maksima Apliecinātāja, Sv. Damaskas Jāņa u.c.) teoloģiskās izglītības pamatprincipiem ir teoloģijas un dievredzes vienība (богословие и боговидение), kur Sv. Simeons Jaunais Teologs prāta zināšanām pretstata zināšanas, kas vispirms sakņojas baušļu izpildīšanā, bet pie tiem nepaliek, jo šīs zināšanas tiek piepildītas ar apzinīgu un personisku Dieva klātbūtnes pieredzi. Treškārt, tēvi uzsver teoloģiskās izziņas nedalāmo vienību ar lūgšanu pieredzi: “Ja tu esi teologs, tad tu lūgsies patiesībā, un, ja lūdies patiesībā, tad tu esi teologs. Teologs – tas nav tikai “speciālists” reliģijas jomā, kas lasa lekcijas vai raksta par garīgiem jautājumiem, tas ir cilvēks, kuram ir personiska pieredze lūgšanā un satiksmē ar Dievu” (Pontas Evagrijs, 4. gs.).

Izglītību Bizantijas impērijā un Krievijā raksturo, pirmkārt, Konstantinopoles augstskolas studiju plašais spektrs – *triviums* un *kvadriums*, kur pēc gramatikas un retorikas sekoja ģeometrija, astronomija, filozofija un visu zinātņu zinātne – teoloģija.

Par impērijas skolu augsto līmeni 9. gadsimtā liecina tādi izglītoti cilvēki kā Jānis Gramatiķis, Leo Matemātiķis, slavenais patriarhs Sv. Fotijs, arī filosofis Sv. Kirils-Konstantīns un viņa brālis arhibīskaps Sv. Metodijs, Morāvijas un Panonas arhibīskaps, – pirmie slāvu apgaismotāji, kas dzimuši un izglītību ieguvuši 8. gadsimta beigās – 9. gadsimta sākumā, par savu skolas izglītību un zinātnisko sagatavotību pateicību ir parādā sava laika sabiedriskajai videi un augstskolai. Otrkārt, teoloģiskā izglītība Krievijā sākotnēji koncentrējās klosteros, tai bija praktisks un baznīcisks raksturs, un kur dievkalpošanas sistēmas pilnība bija pamatā izcilu teologu tapšanai (metropolīts Makārijs, metropolīts Daniēls, sirdsskaidrais Otenskas Zinovijs (Зиновий Отенский), sirdsskaidrais Volockas Josifs (Иосиф Волоцкий)). 16., 17. gadsimtā pirmās krievu teoloģiskās skolas veidojās kā Rietumu sholastisko skolu kopijas (Mogiļanskas akadēmija Kijevā, Slāvu-grieķu-latīņu skola, Maskavas, Sanktpēterburgas un Kazanā akadēmija). Šāda tipa izglītības sistēmā teoloģija tiek studēta teoloģijas dēļ, ignorējot teoloģijas baznīcisko mērķi. Pēc Bizantijas krišanas un tās augstā garīgā kultūras mantojuma izpostīšanas turpmāko teoloģisko izglītību gan Krievijā, gan Rietumos viscaur raksturo šī problēma – šķeltne teoloģiskajā izglītībā starp teoloģisko racionālismu un Baznīcā pieejamo dzīvā Dieva pieredzi.

Tādēļ šobrīd ļoti aktuāls ir jautājums par autentiskas, baznīciskas teoloģiskas izglītības kvalitāti. Minētie teoloģisko skolu modeļi uzrāda kristīgās izglītības galvenās baznīciskās vadlīnijas, kuras var kalpot par identitātes kritērijiem mūsdienīgas teoloģiskās izglītības izveidē.

The Educational Paradigm of a Theological School: the Question on Identity

Summary

The article deals with the problems of theological education that are characteristic of the societies, which in relatively recent years, were freed from the totalitarian pressure of an atheistic ideology placed on the Church. The authors emphasize the necessity to analyzing Christian education within the framework of Church Tradition. Thus the article is structured according to historical models of Christian education of the Church, revealing in these models the ecclesiastic spiritual principles.

Apostolic community is considered to be the first theological school where Christ its teacher (*ho didaskalos* – Greek) stands in the centre as the “exegete” of God because the essential task of God’s Son was to “explain” (*exēgēsato* – Greek, ‘to make known’) the Father to people and also to teach the way they become “the people of light” (Luke 16:8; John 12:36). The teaching strategy, implemented by Christ, in order to achieve its goal turns into the basic principles of education of the so called *apostolic school*: the necessity of spiritual calling; the missionary dynamism of the educational process; the keeping of authentic recognition (knowing) of God in the Church Tradition; the unity of Scriptural teachings with recognition (knowing) God and blessed god-fearing life; as well the evangelical portability of logos in the languages of different cultures.

Schools of Early Christianity: 1) Hellenistic School of Alexandria (2nd century) is the first attempt to create a Christian university. Strategy for studies shifts from acquiring external secular sciences towards genuine, intrinsic wisdom that is obtainable in love for God. In line with Clement of Alexandria – the forefather of a Christian

university – Christian education is fulfillment of God’s will, the heroic deed of Christian faith. “The truly wise should know all Greek wisdom, but in itself this wisdom means nothing to him, in his hands it serves as a weapon of the good and truth” (Clement); 2) Eastern type of a Christian school (School of Antioch) is characterized by the authoritative acquiring of texts (Scriptures and exegesis) as well the engagement with theology as lifestyle or “*asketirion*”, apparently by the impact of monasteries being evolved in the East.

The substantial and principal aspects of theological education in early Christianity have been compiled by the Orthodox bishop Hilarion (Alfeyev) and they are: 1) The spiritual school of early Christianity exists as community or brotherhood being oriented towards one ecclesiastic goal; 2) The relationships between a teacher and a student, disciple are determined by the principle of Christian fellowship, the teachers of the school are the incarnate example of Christ who, being the Teacher and the Lord, washed the feet of the disciple; 3) The rector, a spiritual leader of a school, is the main person of an Eastern Christian school. The rector is not an administrator, but the authoritative theologian and spiritual leader, the main interpreter of the Scriptures in the school; 4) The general meeting of teachers and students are the main administrative body (for example, in the school of Nyssa), in that way the expulsion of students from school is a prerogative of the general meeting; 5) The integration of a theological curriculum is based in the coherent character of the doctrine; 6) The practice of early Christian teachers (*didaskalos*) to habituate students to self-dependant work (for example, Origen trained his listeners not only to ask questions, but also to find the answers by themselves); 7) The relevance of acquiring philosophical disciplines in the refinement of dialectic reasoning; 8) The schools of early Christianity are the centers of scientific theology and as well the centers of spiritual upbringing where a person acquired the basics of genuine ecclesiology and noble Christian stand.

The model of theological education by Holy Church Fathers, first of all, integrates the reception of antique culture and the knowledge of Christian theology as the criterion for all knowledge: “Two ways have been known to us – one, the first and primary, that guided us to our holy temples and their teachers, the other – the second and less worthy than first, guided us to the teachers of external knowledge...” (St. Gregory the Theologian on studies in Athens together with the St. Basil the Great). Secondly, one of the main basic principles of theological education of the Holy Fathers of the classical period of Orthodox theology (St. Athanasius the Great, the Cappadocian Fathers, St. Maximus the Confessor, St. John the Damascene a.o.) is theology as the seeing, vision, contemplation of God. St. Simeon the New Theologian here confronts the knowledge of mind to the knowledge that primary are rooted in the fulfillment of God’s commandments, but – doesn’t remain there because this knowledge is filled up with the conscientious and personal experience of God’s presence. Thirdly, Holy Fathers stress the inseparable unity of theological cognition with the experience of prayers: “If you are a theologian then you will truly pray, and if you truly pray you are a theologian. Theologian is not only the “specialist” in the field of religion who reads lectures or writes on spiritual issues, but is a person who has personal experience in prayers and in communication with God” (Evagrius of Pontus, 4th century).

Education in Byzantine Empire and in Russia can be characterized, first of all, by the wide spectrum of the school of Constantinople – *trivium* and *quadrivium* where grammar and rhetoric were followed by geometry, astronomy, philosophy and the mother of all sciences – theology. The witness of high-level schools of Empire

in the 9th century are such educated people as Patriarch John VII Grammaticus, Leo the Mathematic, famous Patriarch St. Photius the Great, also philosopher St. Cyril-Constantine and his brother St. Methodius, Archbishop of Moravia – the first spiritual enlighteners of the Slavs who have been born and have obtained education at the end of 8th century – at the beginning of 9th century, who all for their school education, scientific training and preparedness owe a lot to the public environment and university of their time. Secondly, theological education in Russia originally concentrated in monasteries; it had a practical and ecclesiastical character. The fullness of system of service was at the foundation for the becoming of distinguished theologians (Metropolitan Macarius, Metropolitan Daniel, St. Zenobius of Ottensk (Зиновий Отенский), St. Joseph of Volotsk [of Volokalamsk] (Иосиф Волоцкий)). The first Russian theological schools in 16, 17 century develop as copies of Western scholastic schools (Academy of Mogilyansk in Kiev, Slavic-Greek-Latin school, Academies of Moscow, St. Petersburg and Kazan). In the education system of such a type – theology is being studied for the sake of theology, ignoring the ecclesiastic goal of education. After the fall of Byzantine Empire and the devastation of its high spiritual heritage of culture following theological education both in Russia and in West throughout is characterized by following problem – the schisma in theological education between theological rationalism and the experience of living God accessible in the Church.

Therefore the question about authentic, ecclesiastic quality of theological education is of great relevance today. The mentioned models of theological schools introduce the main ecclesiastic guidelines for Christian education that can serve as criteria of identity in the establishment of modern theological education.

Rev. Fr., Dr. theol., prof. Nicu Dumitrașcu

Professor and Dean of the Orthodox Faculty of Theology,
University of Oradea, Romania,
Director of the Institute of Religious Diplomacy
Oradea Universitātes (Rumānija) Pareizticīgās teoloģijas
fakultātes dekāns, profesors,
Reliģiskās diplomātijas institūta direktors

Address: Str. Universitatii nr. 1, 410087 Oradea, Romania
Phone: (+40) 259 408 143, (+40) 259 408 182
Fax: (+40) 259 408 471
E-mail: nicud_ird@yahoo.com

Иерей, кандидат богословия Александр Шабельник

Иерей Латвийской Православной Церкви,
Латвийская Христианская академия
Latvijas Pareizticīgās Baznīcas priesteris,
Latvijas Kristīgā akadēmija

Адрес: 5-я линия, 3, Булдури, Юрмала, LV-2010, Латвия
Тел.: (+371) 7753360, факс: (+371) 7751919
E-mail: shabelnick@yandex.ru